

НЕОТЛОЖНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Одной из основных целей судебной реформы является социально-правовой контроль преступности и нейтрализация ее деструктивного воздействия на социальную, экономическую, а в определенной мере и на политическую безопасность государства. Основные принципы уголовно-правовой политики, включая равенство граждан перед законом, неотвратимость ответственности и личную ответственность виновного лица, реализуются посредством осуществления уголовного преследования от имени государства. Уголовно-процессуальный закон устанавливает единый и обязательный порядок деятельности по материалам и уголовному делу для всех органов и должностных лиц, ведущих уголовный процесс.

Фактически уголовный процесс определяет порядок доказывания в досудебном и судебном производстве как важнейшей его части (ст. 2, 7 УПК Республики Беларусь). Стадийность уголовного процесса и специфичность доказывания на каждой его стадии очевидны. Учеными-процессуалистами и криминалистами начальной стадией признается возбуждение уголовного дела. Однако уголовный процесс начинается с принятия уполномоченными государственными органами и должностными лицами необходимых оперативно-розыскных и уголовно-процессуальных мер по обнаружению факта и обстоятельств совершения общественно опасного деяния (преступления) и выявлению лиц, их совершивших. Возбуждение уголовного дела является результатом принятия этих мер в случае их эффективности. От момента получения заявления, сообщения или иной (гласной либо негласной, чаще всего оперативной информации) и ее проверки до возбуждения уголовного дела проходит достаточно много времени – от нескольких часов до трех и более месяцев.

Противостояние наиболее опасным формам преступности (организованная, экономическая и коррупционная, убийства по найму, терроризм, незаконный оборот наркотиков и оружия, высокотехнологичные преступления) осложняется их высокой адаптацией к деятельности правоохранительных органов, глубиной и обширностью коррупционных связей, преступным профессионализмом. Как правило, они имеют чрезвычайно высокий уровень латентности и защищенности, поэтому практически не обнаруживаются при использовании традиционных процессуальных форм производства по материалам и классических методик расследования. Вместе с тем нормативное обеспечение уголовного преследования не отвечает в ряде случаев требованиям противодействия преступности в ее современном состоянии. В первую очередь это относится к процессуальному и криминалистическому обеспечению доказывания в ходе рассмотрения информации (заявлений, сообщений) о преступлениях и производства по материалам.

Согласно ч. 2 ст. 173 УК Республики Беларусь до возбуждения уголовного дела могут быть получены объяснения, истребованы дополнительные документы, произведены осмотр места происшествия, задержание и личный обыск при задержании, некоторые другие процессуальные действия. Однако в УПК Республики Беларусь не регламентирован порядок получения объяснений, хотя очевидно, что с учетом фактора внезапности выполнения этого процессуального действия и непосредственно после совершения преступления существует реальная вероятность получения наиболее полной и объективной информации, к тому же протокол объяснения – единственный источник информации (доказательства), получаемой от свидетеля либо потерпевшего. Судебно-следственная практика свидетельствует, что, во-первых, именно в объяснениях более чем в 60 % случаев, особенно по тяжким и особо тяжким преступлениям, содержится достоверная информация о важнейших обстоятельствах, подлежащих доказыванию. Во-вторых, более чем в 90 % получение объяснений либо вообще не оформляется протоколом в нарушение требований ст. 6 УПК, либо оформляется с нарушением общих правил проведения следственных действий (ст. 192, 193 УПК). В-третьих, в связи с нарушениями установленного УПК порядка при проведении до возбуждения уголовного дела процессуальных действий судами их результаты признаются не имеющими юридической силы.

Практика выявления и расследования преступлений в сферах экономики и коррупции, высокотехнологичных и некоторых других видов противоправных деяний показывает неэффективность такого процессуального действия, как истребование документов. С учетом роста активных форм противостояния организованных групп и преступных группировок правоохранительным органам можно сказать, что любое промедление с изъятием официальных и «теневых» документов, включая электронные, которые могут быть использованы в качестве источника доказательств, приводит к их немедленному сокрытию либо уничтожению, а также к организации противодействия расследованию еще до возбуждения уголовного дела. Кроме того, само по себе истребование документов или их изъятие до возбуждения уголовного дела не обеспечивает процесс доказывания в стадии производства по материалам и установление оснований к возбуждению уголовного дела. Наличие данных, указывающих на признаки преступления, может быть установлено только в ходе исследования (анализа) объектов – носителей доказательственной информации, каковыми являются документы и иные предметы материального мира. При этом должны применяться общие и специальные методы исследования с целью отыскания значимой информации, «прочтения» обнаруженных следов, сопоставления имеющихся и получения новых доказательств, более высокого уровня обобщения. Такое исследование возможно только в ходе осмотра документов или предметов, но это процессуальное действие в настоящее время не может быть проведено до возбуждения уголовного дела, несмотря на его очевидную необходимость. Например, без осмотра изъятых (полученных) документов не может быть обоснованно назначена и правильно организована документальная проверка финансовой и хозяйственной деятельности субъекта хозяйствования. Осмотр места происшествия лишь в некоторых случаях может заменить выемку и (или) осмотр документов, но факт его проведения может привести к разглашению тайны следствия ввиду обязательного участия не заинтересованных в исходе дела понятых. Кроме того, организация осмотра документов, отражающих результаты финансовой и хозяйственной деятельности, занимающего от нескольких часов до нескольких дней, не позволяет осуществить его в ходе осмотра места происшествия.

Анализ судебной и следственной практики также показывает, что похищенное имущество или то, на которое может быть обращена конфискация по приговору суда, фактически укрывается или выводится из обращения в прямом и переносном смысле нередко с изменением его гражданского статуса (права собственности), что происходит в первые дни и часы после возбуждения уголовного дела, а иногда и в процессе принятия такого решения. Представляется правильным решать задачи уголовно-процессуального закона в виде обеспечения законных прав физических и юридических лиц, которым преступлением причинен имущественный или моральный вред, уже в ходе производства по материалу.

Целесообразно расширить перечень процессуальных действий, проведение которых возможно до возбуждения уголовного дела. В этот перечень следует включить: выемку и осмотр документов, временное наложение ареста на имущество, включая аресты на вклады физических, а возможно, и юридических лиц, например при расследовании легализации преступных доходов и некоторых других видов экономических преступлений. Кроме того, более четко определить процессуальный статус получения объяснения, приравняв его к следственному действию.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

Уголовный процесс как деятельность начинается с информации, полученной органом уголовного преследования о совершенном или совершаемом преступлении. Разрешение заявления гражданина или юридического лица о совершении в отношении их преступления, преследуемого в соответствии с ч. 2 и 3 ст. 26 УПК в порядке частного обвинения, является прерогативой только районного (городского) суда. Пода-

ется же оно как непосредственно в суд по признаку территориальной подсудности, так и по сложившейся в Беларуси традиции и в РУ-РОВД, которые, установив в ходе проверки, что в данном случае речь идет о преступлении, преследуемом в порядке частного обвинения, выносят в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 174 УПК постановление о прекращении проверки и разъяснении заявителю права обратиться в суд.

Получив данное заявление, судья в соответствии с постановлением пленума Верховного суда Республики Беларусь от 31 марта 2010 г. № 1 «О практике применения судами норм УПК, регулирующих производство по делам частного обвинения» принимает по нему одно из следующих решений: 1) о принятии заявления, когда оно соответствует требованиям закона; 2) возвращении заявления для его приведения в соответствие с требованиями ч. 2 ст. 426 УПК; 3) отказе в принятии заявления при наличии обстоятельств, исключающих производство по делу (например, в случае вступления в силу закона, устраняющего наказуемость деяния; в отношении лица, о котором имеются вступивший в законную силу приговор по тому же обвинению либо определение (постановление) суда о прекращении производства по уголовному делу по тому же основанию). Если будет установлено, что дело подсудно другому суду, судья не вправе отказать в принятии заявления по этому основанию, а, руководствуясь положениями гл. 32 УПК, выносит постановление о направлении дела по подсудности. Все эти решения в соответствии с указанным постановлением пленума оформляются постановлением.

Наиболее актуальным из них в контексте данной публикации является первое решение, так как именно с ним законодатель связывает трансформацию заявления в уголовное дело. Вместе с тем из закона никак не следует, когда, каким способом уголовное дело было возбуждено.

В соответствии с ч. 1 ст. 426 УПК дело частного обвинения возбуждается лицом, пострадавшим от преступления, либо его представителем, а также представителем юридического лица путем подачи в суд заявления о совершении в отношении его преступления. Но из изложенного выше видно, что судья может оказать в принятии поданного заявления, что исключает появление уголовного дела. Кроме этого согласно ч. 2 ст. 427 УПК «при необходимости получения объяснений, заключения специалистов и иных данных суд направляет заявление в орган дознания для проведения проверки». Изложенное не согласуется с вышеуказанной ч. 1 ст. 426 УПК, т. е. пострадавший дело не возбудил, хотя и подал заявление в суд.

Ответ на вопрос «когда же все-таки уголовное дело частного обвинения возбуждается?» можно получить только логическим сопоставлением норм, т. е. методом, неприемлимым для правоприменителя и порождающим дискуссию в теории. И это при том, что только акт возбуждения уголовного дела открывает возможность проведения процессуальных действий. С ним связано исчисление сроков судопроизводства, контроль за их исполнением, права участников процесса и т. п.

О том, что заявление с прилагаемыми к нему материалами приобрело форму уголовного дела, можно судить по норме ч. 3 ст. 426 УПК, согласно которой с «момента принятия судом заявления лицо, подавшее его, является частным обвинителем, а лицо, в отношении которого подано заявление, – обвиняемым». Речь идет об участниках уголовного процесса, которые имеют место только при производстве именно по уголовному делу. В связи с такой законодательной конструкцией открытыми остаются вопросы: что явилось актом возбуждения уголовного дела – подача заявления в суд или постановление судьи о принятии заявления; как подтвердить, что дело возбудил, как то зафиксировано в ч. 1 ст. 426 УПК, пострадавший от преступления либо его представитель или представитель юридического лица? Из нормативного регламента ответить на эти вопросы не представляется возможным. Но совершенно очевидна несогласованность указанных выше норм. И она далеко не безобидна.

Ведь если считать, что дело возбуждено с момента вынесения судьей постановления о принятии заявления, тогда открытым остается и такой важный для деятельности органа дознания вопрос: что конкретно судом (заявление или все-таки уголовное дело) направляется в орган дознания в случае, когда судья считает необходимым проведение по заявлению проверочных действий? Часть 2 ст. 427 УПК определенно говорит о заявлении и проведении проверки. Но это не согласуется с вышеуказанными решениями, которые выносятся судом при получении заявления. То, что в данном случае судья, получив заявление от заявителя, не вынес постановления о возвращении его для устранения недостатков заявителю, не отказал в принятии заявления, указывает на то, что иного решения, помимо принятия заявления к производству, у суда не могло быть. То, что судья не вынес соответствующего постановления, может означать, что судья или проигнорировал норму о вынесении постановления о принятии заявления, но при этом распорядился ходом движения этого заявления, или выполнил предписание закона о направлении при необходимости заявления органу дознания, умолчав о процессуальном решении по поступившему к нему заявлению.

Таким образом, изложенное позволяет, во-первых, подвергнуть сомнению норму ч. 1 ст. 426 УПК о том, что уголовное дело частного обвинения возбуждается пострадавшим от преступления. Если дело возбуждает частный обвинитель (заявитель, его представитель), то суд должен принять не заявление, а уголовное дело к своему производству. Реквизиты заявления должны кроме прочего содержать просьбу, ходатайство о принятии уголовного дела к производству, как это закреплено, например, в ч. 1 ст. 318 УПК Российской Федерации. Некоторые корректировки закона сделал в упомянутом выше постановлении пленум Верховного суда. Однако рассматриваемого аспекта законодательного регламентирования производства по делам частного обвинения он не касался. В связи с этим, во-вторых, в орган дознания суд должен был направлять не заявление, а уголовное дело, что влечет принципиально иную деятельность этого органа. Именно поэтому далеко не праздным является вопрос о правовой четкости регламентации возбуждения уголовного дела частного обвинения. И в-третьих, если актом возбуждения дела считать постановление о принятии судьей заявления, то из закона следует убрать фразу «дело частного обвинения возбуждается лицом, пострадавшим от преступления». Изложенное указывает на необходимость серьезного законодательного совершенствования норм, регламентирующих возбуждение уголовных дел частного обвинения. Следует подчеркнуть, что в только что принятых изменениях в УПК данная глава по-прежнему обойдена вниманием законодателя, равно как и в обсуждаемом в настоящее время проекте закона об очередных многочисленных новациях в УПК.

УДК 343.13

Р.В. Маджаров, М.А. Логанцова

СУЩНОСТЬ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ КАК ЧАСТИЧНОГО ПЕРЕРЫВА В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

К настоящему времени в теории уголовного процесса стал традиционным подход к приостановлению предварительного расследования (ППР) как к перерыву в производстве по уголовному делу, в течение которого следователь должен принимать меры (т. е. осуществлять активную деятельность), направленные на устранение обстоятельств, его вызвавших. В той или иной степени данная позиция находит отражение в авторских дефинициях рассматриваемого понятия. Именно таким образом понятие ППР раскрывали еще И.М. Гуткин, Л.М. Репкин, С.П. Ефимичев и др.

И.В. Данько, В.А. Нечаева, Б.Т. Безлепкин не включают в дефиницию ППР указание на активную деятельность следователя (дознателя) после объявления перерыва в производстве по делу. Однако это не свидетельствует о наличии особой позиции, так как активная направленность следователя на устранение обстоятельств, препятствующих производству по делу, раскрывается ими при изложении действий следователя после ППР.